

УДК 687(091)
ББК 37.24г
Т18

Печатается с разрешения литературных агентств
Stuart Krichevsky Literary Agency, Inc., и Andrew Nurnberg

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Sofi Thanhauser
WORN: A PEOPLE'S HISTORY OF CLOTHING

Перевод с английского *Ирины Голыбиной*

Танхаузер, Софи.

Т18 Витиеватая история нитей. Как одежда и материалы повлияли на историю человечества / пер. с англ. яз. И. Д. Голыбиной. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 400 с. — (*Интеллектуальная история. Научный подход*).

ISBN 978-5-17-146856-9 (рус.)

ISBN 978-152474839-5 (англ.)

В своем панорамном социальном исследовании Софи Танхаузер блестяще рассказывает читателю пять историй — Лен, Хлопок, Шелк, Синтетика, Шерсть, — о вещах, которые мы носим, и их происхождении, представляя наш мир в неожиданном свете. С ней мы попадаем ко двору Людовика XIV и в трудовые лагеря на территории Синьцзяна. Мы узнаем, как текстиль окрашивали с помощью мха, раковин моллюсков, коры, шафрана и жуков, исследуем интереснейшие региональные традиции ткачества и то, как современная западная индустрия превратила нашу одежду в однообразную и недолговечную форму, которую популяризируют бренды «быстрой моды».

Танхаузер наглядно показывает, как индустрия моды стала главным фактором загрязнения окружающей среды и как она опирается на плохо оплачиваемую и угнетенную рабочую силу. Вместе с тем мы познакомимся и с микробиоцидами, текстильными компаниями и производителями одежды в разных уголках мира, которые возрождают традиционные, этичные методы ее создания.

Основанная на многолетних исследованиях и данных, собранных по всему миру, полная увлекательных историй эта бесценная книга демонстрирует нам, что наша одежда происходит не из тех стран, которые указаны на этикетках, и не появляется в готовом виде на фабриках, — она накрепко связана с человеческой историей.

УДК 687(091)
ББК 37.24г

ISBN 978-5-17-146856-9 (рус.)
ISBN 978-152474839-5 (англ.)

© 2022 by Sofi Thanhauser
© И. Д. Голыбина, перевод, 2022
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

Моему отцу

Оценка и трактовка исторических событий
является личным мнением автора книги
и может не совпадать с позицией редакции.

ВВЕДЕНИЕ

Я люблю одежду.

Недалеко от дома, в котором я выросла, на острове Мартас-Винъярд, находится место, которое мы между собой называем «Дамптик». Масса статей в *New York Times* посвящена всяким тайным уголкам острова, поэтому, думаю, нет смысла указывать здесь его точное положение. Представьте себе зеленую ложбинку, обрамленную кривыми от ветра дубами, а в ней — маленький временный домик, расположенный в какой-то сотне ярдов¹ от муниципальной свалки. Под крышей из ржавых железных листов свалены сковороды, кувшины, книги, старые лампы, потертые пазлы и корзины с ношеной одеждой.

В «Дамптике» все бесплатно, и каждый год богатые жители Мартас-Винъярд оставляют там потрясающие наряды, которые так и валяются среди прочего барахла, пока их не отыщет зоркий глаз. Подростком я ходила в «Дамптик» каждую субботу, и таким образом вещи, которые я даже никогда бы не потрогала, не говоря уже о том, чтобы покупать, оказывались в моей собственности. Например: пальто *Loden*. Куртка *Barbour*. Коктейльное платье из розового шелка 1950-х с подкладкой из кремовой тафты. Зеленое платье из ткани экспериментального дизайна *Marimekko* 1970-х. Халатики швейцарского производства с кружевной отделкой. Рубашки из верблюжьей шерсти. Ботинки *Arche*. Медленно, постепенно эти сокровища лишали меня вос-

¹ В английской системе мер 1 ярд² = 0,83613 м² (*Прим. ред.*).

торга, который я раньше ощущала от походов в *T. J. Maxx* в Фальмуте, где в основном покупала одежду. Я становилась модным снобом.

Благодаря «Дамптику» я стала замечать, что старая одежда практически всегда лучше и прочнее, чем новая. То же самое, на мой взгляд, касалось и старых фильмов. Строгие костюмы Лорен Бэколл и идеальные свитеры Анны Карины из джерси даже на киноплёнке создавали ощущение качества и благородства, полностью отсутствующее, например, в вискозных блузках Дженнифер Энистон.

Однако кино и «Дамптик» не помогли мне заглянуть дальше XX века. Зато в трех милях от «Дамптика» находился дом, построенный около 1740-х, на ручье, который перегородил дамбой один из пуританских патриархов, получивший генеральский титул во время войны с королем Филипом. Как и многие колониальные американские особняки, дом был спроектирован без встроенных гардеробов. Для одежды хватало просто крючка или гвоздя. То была особенность времени, когда каждый член семьи владел двумя переменами одежды: для воскресений и для будней. Естественно, она отличалась прочностью.

Я пришла к выводу, что качество и прочность американской одежды стабильно падают. Это подтверждали и воспоминания моей мамы. Она росла в Шеффилде, Массачусетс, в 1950–1960 гг. Когда она училась в школе, там ходила шутка: «Она что, сама шьет себе одежду?» Так говорили про некрасивых, непопулярных девочек. По мнению мамы, то был зашифрованный намек на бедность. И он указывал (помимо варварства американских школьников) на то, что в 1960-х шить себе одежду было дешевле, чем покупать в магазине. Неудивительно: текстильная промышленность находилась под контролем профсоюзов, там трудились квалифицированные рабочие, которые получали приличный оклад и медицинскую страховку. В те времена Женский профсоюз текстильной промышленности был крупнейшим в США.

Сегодня гораздо дешевле покупать одежду, чем шить самим. Работа, некогда выполнявшаяся в каждом доме, стала экзотическим хобби, требующим навыков, немислимых

для большинства среднестатистических американцев. Да и с точки зрения цены покупка ткани на рубашку зачастую обойдется дороже, чем новая рубашка в магазине. Любопытный переворот.

Ральф Тарп, бывший инженер фабрики *Cone Mills* в Северной Каролине, занимавшийся производством денима для *Levi's 501* в 1970-х, задал мне тот же вопрос, но в другой форме: «Как вышло, что с 1960-х цена грузовика *Ford* выросла в десять раз, а цена пары джинсов осталась прежней?» И это при том, что большинство производственных процессов с 1960-х было автоматизировано, — но не шитье. Физически процесс шитья не изменился с момента изобретения швейной машинки. Ткань по-прежнему капризный и непредсказуемый материал, в отличие от листового металла, и все еще требует тонких манипуляций, доступных только человеческим рукам.

Итак, что же произошло?

* * *

Если бы можно было вернуться на пять столетий назад, мы поразились бы красоте и разнообразию одежды, которую люди шили и носили. Мы увидели бы женщин в платьях упились из хлопка ручной обработки, окрашенного кошенилью, в шелковых кимоно, сибори, окрашенных индиго, нанайских костюмах из рыбьей кожи, кубинском текстиле из пальмового волокна, вышитого сложными геометрическими узорами и окрашенного веществами из сердцевин тропических деревьев, русских крестьянок в льняных сарафанах, вышитых фиолетовыми нитками, которые красили с помощью местных лишайников. В ткани мы нашли бы следы флоры и фауны тысяч географических регионов: колючую шерсть хердвикских овец, которые пасутся на камбрийских скалах в Северной Англии, идеальную для местного твида. Красители из лишайников, раковин, коры, индиго, шафрана, корней и насекомых. Даже конструкции и узоры одежды показались бы нам удивительными с их особыми плетениями и петлями, влиянием нумерологии, защитными молитвами и клановыми символами, популяр-

ными мотивами и индивидуальными вкраплениями. Локальное производство тогда еще сосуществовало с торговлей. А мелкие текстильные производства процветали у всех сельскохозяйственных народов мира.

В нынешних условиях, поедem мы в Англию или Россию, Китай или Мексику, Кению или Уругвай, мы увидим футболки, джинсы, куртки и юбки, сделанные в большинстве своем из двух материалов: хлопка и нефти. В то же время промышленность, выпускающая их, стала куда более централизованной, сосредоточившись в руках нескольких мегакорпораций. В 2019 г. мировые ритейл-продажи одежды и обуви достигали объема в 1,9 триллиона долларов. Он вдвое превышает объем продаж бытовой техники и в четыре раза — оружия. Капитализация компании *Nike* в четыре раза больше, чем у *Ford Motor Company*. А то, что некогда являлось самым распространенным в мире искусством — изготовление текстиля, — у ремесленников отнято, и уже давно.

В доиндустриальный период, по оценкам антропологов, люди посвящали одинаковое количество рабочего времени изготовлению одежды и изготовлению пищи. Невозможно переоценить масштабы изменений, которые произошли в нашей повседневной жизни, когда текстильное производство перекочевало оттуда на фабрики. Два мира, разделенные этим моментом, разительно отличаются друг от друга — примерно так же, как два вида ткани.

Современная одежда индустрия стоит дорого, а вот одежда, которую она выпускает, — нет. Между 2000 и 2014 гг. производство одежды в мире выросло вдвое. Это стало возможно потому, что одежду теперь выбрасывают. За прошедшие пятнадцать лет покупатели начали приобретать в среднем на 60 % больше одежды, чем раньше, но носить и хранить ее вполонину меньше. К 2017 г. на земле каждую секунду уже сжигалось или выбрасывалось на свалку по одному грузовику старой одежды (более 2,6 тонн).

Минусы «быстрой моды» известны давно: они заключаются в отравлении окружающей среды и эксплуатации рабочих. Проблемы эти не новы. Новым является их масштаб.

Работа в текстильной и, в частности, одежной промышленности считалась опасной с самого начала индустриализации, но три четверти катастроф с человеческими жертвами в одежной промышленности произошли в 2010-х. Текстильное производство веками загрязняло окружающую среду, но сегодня оно ответственно за одну пятую сбросов сточных вод и одну десятую глобального выброса углерода.

«Быстрая мода» не возникла из ниоткуда в 1990-х, когда вошел в обиход сам этот термин. Проблеме не тридцать лет, а много веков, и сейчас мы сталкиваемся просто с новым ее симптомом. Мне хотелось исследовать ее корни и выяснить, какой могла бы быть наша нынешняя текстильная система.

Эта книга не является всеобъемлющей историей текстиля, его производства и важности для всего мира. Скорее, мне хотелось рассказать о том, что я узнала, о том, как мы перешли от изготовления тканей для собственного употребления в рамках домашнего хозяйства к одежде, которую предоставляет нам хитроумная и безжалостная система, отлучившая человека от творчества, от земли, от его прав как потребителя и как работника.

* * *

Отнюдь не для каждого, кто не шьет сам, сейчас ясно, что одежду делают люди, а не машины. Собственно, я сама до того, как начала шить — мне тогда было девять лет, и я хотела скопировать блузку кремового цвета, которую носит персонаж Дженнифер Коннели в «Лабиринте», — не признавала, что одежду *шьют*. Согласна, звучит абсурдно. Помню, однажды я присутствовала при том, как молодому парню, выросшему на Манхэттене, объясняли, что, если посадить в землю яблоневое семечко, вырастет яблоня. Такие вещи возможны только в культуре, максимально удаленной от сельского хозяйства и промышленности, — то есть нашей современной. Как только я начала шить, одежда превратилась в моих глазах в набор трубок и плоских деталей: двухмерная ткань, облегающая трехмерные тела, пронизанная отверстиями, с пришитыми пуговицами, со складками

и сборками, подрубленная по краям, где проходят кромки. Изготовление одежды требовало, чтобы я проверяла, как трубка рукава присоединится к трубке топа, чтобы обеспечивать свободу движений плечевого сустава. Я стала понимать, что пройма для головы должна быть достаточно большой, чтобы в нее пролезала наша твердая «тыква», а еще на ней нужна застежка, чтобы ворот облегал шею. Я увидела в одежде особую разновидность скульптуры, повторяющей формы тела и одновременно трансформирующей их: сборчатый рукав, чтобы рука стала похожей на крыло, расклешенная штанина, чтобы нога приобрела соблазнительную форму колокольчика. Эксперименты с шитьем научили меня ценить одежду, а с ней — искусство и труд, которые вложены в каждую вещь.

И я научилась ценить *ткань*, когда попыталась сделать одежду не из нее.

Подростком я частенько бунтовала. В один из дней незадолго до наступления Нового 2002 года я заявила, что человечество слишком узко подходит к выбору материалов для одежды, настаивая на том, что она должна, как в начале времен, делаться из ткани, хотя в действительности существует масса других вариантов. Я предложила, чтобы на новогодней вечеринке мы с друзьями все были одеты только в бумагу.

Мы собрались дома у Лайлы, в конце проселка, ведущего к пруду Тисбери Грейт, на берегах которого паслось принадлежавшее ее семье стадо овец. Моя семья тоже держала овец до того, как мы переехали в Массачусетс из сельскохозяйственного Вермонта в 1995 г. Всей компанией мы с самого утра приступили к работе, для начала вывалив на пол огромную кучу газет, журналов и оберточной бумаги. Ханна использовала только обложки *Vogue* и прозрачный скотч; она попросила своего парня Колина подрезать ей подол ножницами, и он укоротил его так, что едва не стала видна ее задница. Люк смастерил себе очаровательный костюм из газет. Лайла сделала юбку в складку из глянцевых рекламных вкладышей, а сверху приспособила радужный картонный круг, служивший игровым полем для «Конфет-

ной Страны», расположив его точно на солнечном сплетении, откуда к плечам расходились полосы белой бумаги для принтера. Кейт соединила несколько концентрических бумажных колец широкой полосой спереди. Я соорудила платье из газет и серьги из трубок от туалетной бумаги. Мы все потрудились над прическами.

На вечеринке в наших костюмах обнаружился дефект. Они рвались. Все началось, когда мы вылезали из машины, и продолжалось, пока мы танцевали, садились, вставали и просто поднимали руки. Домой мы ехали едва ли не голыми. Тот опыт внушил мне уважение к ткани.

* * *

Одежду делают из ткани. Ткань можно делать из растений (хлопка, льна), животных (овец, шелковичных червей) и, начиная с XIX века, из синтетических материалов, в частности целлюлозы, которую сначала растворяют, а потом превращают в волокна (вискоза), или различных химических комбинаций нефти (нейлон, спандекс, полиэстер).

Эта книга начинается с истории льна. С периода палеолита и до XIX века жители Северной Европы одевались в ткань, которую сейчас носит преимущественно элита: лен. Старейшая ткань, обнаруженная при археологических раскопах, состоит из льняных или схожих со льном растительных волокон, и первая глава посвящена возникновению этой ткани. В большинстве культур ткачество и шитье считалось женской работой. Сегодня женщины по-прежнему составляют две трети рабочей силы в текстильном производстве. Стоимость женского труда и зарплаты женщин сформированы текстильной промышленностью и наоборот, поэтому первая глава рассказывает об использовании женской рабочей силы на заре индустриального производства текстиля.

Следующим идет хлопок. Хлопок потребляет огромное количество воды и удобрений — на него уходит почти 20 % всех пестицидов, применяемых в мире. Во второй главе я рассказываю, как посещала регионы, где хлопководство привело к экологическим катастрофам и где колониальные

режимы заложили условия для современного индустриального устройства. Хлопковая промышленность обращается со своими работниками так же немилосердно, как с землей. Хлопок стал причиной колонизации Индии, возникновения рабства на американском Юге и современного экологического геноцида уйгуров в Синьцзяне на западе Китая.

Третья глава — о шелке. Шелк — практически синоним роскоши, и в этой главе рассказывается о роскошной одежде и ее роли как маркера общественного статуса. Человечество склонно к выстраиванию иерархий, и политика проявляется не только в одежде, но и в ловком манипулировании как модой, так и текстильной торговлей. В третьей главе рассматриваются связи между властью и иерархией, от Древнего Китая до Людовика XIV и современных глобальных брендов.

Четвертая глава посвящена истории синтетики. От Великого шелкового пути мы переходим к современным торговым связям и режимам, прослеживая историю синтетических материалов в XX и начале XXI века. В период с 2000 по 2008 г. материалы, сделанные из продуктов нефтепереработки, вытеснили хлопок с позиции самой распространенной ткани на планете. В предыдущем веке одежда промышленность на время освободилась из теней подрядных производств, но быстро вернулась к ним с одобрения правительств, закрывавших глаза на нарушение прав рабочих. Сегодня из-за доступности синтетических тканей и низкооплачиваемой рабочей силы производится огромное количество дешевой одежды, которая, как фаст-фуд, не приносит ничего хорошего ни земле, ни людям, выпускающим ее.

Наконец, в **истории шерсти** мы наблюдаем за тем, как некогда распространенный больше других материал идет сейчас в авангарде радикальных текстильных экспериментов. Эти эксперименты направлены одновременно на возрождение ремесел и поиск способов применения текстильного оборудования на пользу человеку, а не в ущерб ему. В этой главе речь идет о процессе регенерации, опирающейся на малые производственные модели. Там же расска-

зывается о людях, которые помогли мне больше узнать об одежде и связях между человеком, его работой, предками и землей.

* * *

Нет такой составляющей человеческого опыта, исторического или современного, которой не касалась бы история одежды. История одежды — это одновременно история стремления человека к теплу, и обе они связаны, в свою очередь, с историей человеческих миграций. Исследователи считают, что люди начали носить одежду сразу после того, как лишились шерстяного покрова, и что именно благодаря одежде человек смог мигрировать за пределы Африки и пережить Ледниковый период. Одежда не только помогала миграции, но и провоцировала ее: в XVI веке первые попытки европейцев проникнуть на территорию нынешних США и Канады были вызваны стремлением покупать у коренного населения шкуры.

Текстильная промышленность влияет на политику правительств и состояние окружающей среды. На мануфактурах выстраивались целые экономики. Наше повседневное взаимодействие во многом зависит от одежды и ее бесчисленных сигналов, неважно, покупаем ли мы билет в метро, собираемся на выпускной вечер или решаем, к какому классу принадлежит незнакомец. Вирджиния Вулф говорила, что одежда «меняет наш взгляд на мир и взгляд мира на нас». Носитель социальных кодов, одежда создается с использованием ресурсов, рабочей силы и денег. Понимание взаимосвязей между ними отражает нашу способность ориентироваться в разнообразных иерархиях. Расшифровка этой системы — нашей одежды и того, как она развивалась, — может помочь изменить наш взгляд на мир.

В этой книге репортажи сочетаются с историческими исследованиями. Хотя я много поездила в ходе ее написания — в Китай, Вьетнам, Гондурас, Индию, Англию и по США, — история и репортажи направлены преимущественно на понимание роли США в выстраивании глобальной сети текстильной торговли, которая охватывает ныне

весь мир. Одновременно здесь рассматривается и этика этой торговли — этика, к которой США, несмотря на все славословия, остаются глухи. Обрушение одежной фабрики в Дакке в 2013 г., при котором погибла тысяча рабочих, заставила европейских потребителей объединиться в давлении на бренды, многие из которых предприняли в результате конкретные и значимые шаги по предотвращению будущих катастроф. Однако в США таких действий предпринято не было, равно как не последовало и значимого ответа от американских брендов, например *The Gap* или *Walmart*, которые продолжают работать по-старому.

За те годы, которые я посвятила исследованиям, мне открылось немало печального и немало прекрасного. Я познакомилась с людьми, которые находят возможность производить ткани на собственных условиях, отстаивая право делать нечто и полезное, и красивое. Первое интервью дал мне Джей Ардей на шерстопрядильной фабрике «Фингерлейкс» — он изобрел способ переделывать текстильное оборудование начала XX века для чесания и прядения шерсти, поступающей от владельцев маленьких стад овец. Таким образом овцеводы получают возможность вязать и ткать из шерсти собственного производства. Дальше я встретила в Фениксе с женщинами навахо, которые изучали традиционное ткачество на курсах, восстанавливая преемственность поколений, нарушенную расистскими политиками ассимиляции. Я посетила магазинчик на шоссе I-80, где торгуют шерстью, окрашенной с помощью местных растений. Пообщалась с фермерами в Камбрии, которые разводят овец с учетом геологии региона и стараются соблюдать экологические принципы. Познакомилась с Рэббит Гуди, которая владеет собственной мастерской в штате Нью-Йорк и управляет ей в традициях социалистических кооперативов XIX века.

Ткань часто используется как символ взаимоотношений между людьми: мы говорим о «социальной ткани», обществах, «разрываемых на части», или смыслах, «защитых в послании». Ткани и одежда, с которыми мы находимся в самом тесном контакте от колыбели до могилы, связывают нас с теми, кто сшил нашу одежду, хоть мы никогда и не

встречались. Эту связь между изготовителем и потребителем порой бывает трудно расшифровать, но я надеюсь, что моя книга поможет вам в этом.

Ребенком я обожала передачу «Мистер Роджерс», где детишек в одну неделю водили на фабрику зубной пасты, а в следующую — на производство карандашей. Мне нравилось узнавать, откуда берутся предметы повседневного обихода, но происхождение одежды оставалось для меня загадкой. Я решила, что так быть не должно. Отчасти как ответ на тот импульс, на то стремление узнать, откуда возникают вещи, появилась на свет моя книга. В конце концов одежда не поступает готовенькой с фабрик или из стран, указанных на этикетках. Она происходит из нашей истории.

